

„Так что мы смело говорим:
Господь мне помощник и не убоюсь:
что сделает мне человек?“

(Послание Св. апостола Павла XIII, 6)

БОРЬБА

ОРГАН
СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

ИЮНЬ

№ 10

1948 г.

ШАГ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР.

В своей политической работе, направленной к освобождению нашей родины от большевизма, мы допускаем одну чрезвычайно существенную ошибку, которая не только понижает успех нашей работы, но и может привести к роковым последствиям и нашу родину, и весь мир.

Этой ошибкой является то, что мы замыкаемся целиком в кругу узко-эмигрантских интересов и совершенно остаемся в стороне широкие общественные круги Запада, не влияем на их политическое мнение и стремление.

Мы предполагаем, что демократическая общественность Запада достаточно хорошо разбирается в вопросах взаимоотношений наших народов с большевистским правительством.

На самом деле, общественное мнение Запада ничего не знает о нас, о нашей борьбе и стремлениях; оно имеет сильно искаженное представление о настроениях и желаниях населения Советской России и совершенно не представляет себе правильного решения проблемы борьбы с большевизмом.

Мы же, в свою очередь, ничего не знаем об общественных демократических движениях Запада и совершенно не знаем их политических настроений, хотя и рассчитываем на их помощь.

Мы, иной раз, возмущаемся и осуждаем западно-демократическими кругами того или иного вопроса, касающегося нас. Но мы ни разу не задумались над тем, что в этом виноваты мы сами.

Мы не пытаемся широко раз'яснить Западу истинные намерения наших народов, мы не популяризируем в широкой общественности единственно правильный путь к решению занимающей весь мир проблемы борьбы с большевизмом — путь оказания помощи свободолюбивым народам России и Восточной Европы в их борьбе против большевизма; путь борьбы против большевизма и советского правительства в союзе со всеми народами России.

Мы рассматриваем проблему освобождения России отдельно от всего комплекса проблем, решающих сейчас судьбу всего мира. Мы не пытаемся искать у широкой общественности демократических кругов Запада помощи, не пытаемся вместе с ними организовать общий фронт борьбы против большевизма.

Все наши внешние связи ведут опять же к русским эмигрантским кругам, которые, в свою очередь, живут узким кругом своих интересов.

Все эти ошибки стали для нас особенно ясны при встречах и беседах с представителями западной общественности.

С 11 по 18 июня, в Мюнхене, состоялся 2-й Международный Конгресс Молодежи. В этом Конгрессе участвовало до 2000 представителей различных стран мира, за исключением Советского Союза и стран, находящихся под его влиянием. Среди участников конгресса было более шестисот человек "взрослых" гостей: известных писателей, журналистов, представителей партий, общественных деятелей и даже членов парламентов отдельных стран.

Впервые, за время существования нашей организации, отдельные работники Совета СВОИР получили приглашение для участия в работе общемирового значения.

Мы в течение 7-ми дней вели непрерывную работу среди иностранцев: выступали при обсуждении различных политических тем и докладов, устанавливали необходимые связи, знакомились с общественными движениями западных демократических стран и раз'ясняли правду о истинных стремлениях наших народов и правильном пути решения вопроса борьбы с большевизмом.

Мы убедились, что общественное мнение Запада совершенно искаженно представляет себе взаимоотношение между нашими народами и

большевистским правительством. Выяснилось, что у мировой общественности господствуют два взгляда по этому вопросу:

1. Русский народ по своей натуре недемократичен, но способен к восприятию демократических идей, упорно стремился к завоеванию мира, полностью вытесняя агитацией своего правительства, которое он и поддерживает. Совершенно бесполезно пытаться вступить в контакт с таким народом. Нужно искать радикальные меры к устранению этой постоянной опасности.

2. Русский народ жутко демократичен, демократичен также, как и его правительство, которое он с любовью поддерживает. Все остальное — только капиталистическая пропаганда, пытающаяся оклеветать стремившийся к миру русский народ вместе со своим мудрым правительством.

Оба эти представления совершенно ложны и чрезвычайно опасны. Первое, в конечном счете, ведет к военной катастрофе; второе — к полному идеологическому разоружению Запада и к конечной победе большевизма. Большинство остальных мнений, которые нам пришлось услышать, в том или ином виде изменения, повторяли эти два основных представления.

Необходимо подчеркнуть, что все представления общественности Запада, с которыми мы вступали в связь, воспринимали нашу точку зрения, как нечто чуждое и отнеслись к ней с большим интересом и вниманием.

Так как в течение 7-ми дней нам удалось охватить работой только часть участников конгресса, мы решили распространить среди всех участников листовку, раз'ясняющую, в основных чертах, русский вопрос и необходимость общего фронта всех демократических западных сил для борьбы с большевизмом. Листовка была составлена и напечатана в пятницу, 18-го июня, в последний день конгресса. 4600 экземпляров листовок на английском, немецком и французском языках, были широко распространены среди участников конгресса молодежной группой СВОНР г-на Гери Шайохайма.

Распространение листовки принесло блестящие плоды. Установились тесные личные связи. Отдел внешних сношений Союза получает ежедневно письма с предложениями политической помощи. Ряд западных газет поместили полный текст нашей листовки со статьями, одобряющими наше начинание. Подобный успех доказывает правильность наших установок.

Освободительная борьба против сталинской группы и большевистской системы есть ключ к решению вопроса о вечном мире; но, развертывая эту борьбу, мы не имеем права замыкаться в своих узких кругах и не имеем права бороться лишь за свои узко-национальные интересы. Все основные вопросы будущего нужно решать единым фронтом со всеми свободолюбивыми демократическими силами Запада.

В нашей работе, направленной во внешний западный мир, мы ставим перед собой следующие основные задачи:

1. Широкая пропаганда с раз'яснением истинного положения на нашей родине, с раз'яснением истинных стремлений наших народов. Попутно разъясняя единственно-правильное решение восточной проблемы: союз с народами России и с народами, оказавшимися под игом большевизма; оказание им помощи со стороны демократий всего мира.

2. Укрепление связей со всеми либерально-демократическими общественными и государственными организациями, партиями, союзами и отдельными лицами, могущими оказать политическую и материальную поддержку в борьбе против большевизма.

3. Создание мирового демократического блока для борьбы за освобождение народов России и Восточной Европы от большевизма и установление демократических систем во всем мире, за обеспечение долготел-

4. Вспомогательная задача: привлечение внимания к нашей работе. Она должна быть известна всему миру.

БОРЬБА ЗА ВЛАСОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.
Н.Гумилев.

Ставя вопрос о борьбе за какое бы то ни было наследство, следует, пожалуй, прежде всего установить само существование этого наследства, определить его значимость и содержание и тем самым подвести необходимое реальное обоснование под все дальнейшие суждения и выводы.

Установлением самого факта существования власовского наследства, т.е. власовской идеи, идеи Освободительного Движения, едва ли стоит заниматься, ибо это есть, вне зависимости от чьих бы то ни было желаний, существующая объективная реальность, с которой сегодня уже нельзя не считаться. Всех сомневающихся в этом мы отправляем к массам российской эмиграции (это наиболее доступно), и мы уверены, что ошибки этих господ, путем кабинетных рассуждений пришедших к иным выводам, быстро, хотя иногда, может быть, и в не совсем корректной форме, будут исправлены.

Поэтому, не останавливаясь на данном вопросе и тем самым избегая фальшивого положения человека ломящегося в открытую дверь, мы перейдем к значительно более важным, принципиальным и в некоторой своей части, возможно, спорным вопросам о содержании и значимости власовского наследства. По совершенно понятным причинам, мы лишены возможности детально изложить в данной статье содержание власовской идеи. Это слишком большой и сложный вопрос, которому мы посвящали и будем еще посвящать ряд статей на страницах нашего журнала, а сейчас, в плане этой статьи, нас интересует самое общее и главное, но в то же время определяющее содержание власовской идеи, именно то, из чего вытекает ее значение.

Совершенно бесспорен тот факт, что содержание власовской идеи рождено волей 200 миллионов народов России, воплощает в себе их вековые стремления и чаяния, представляет собой синтез и эстракт этих народных чаяний и стремлений. Содержание власовской идеи характерно еще и тем, что оно создано, как создано и само Движение, не волей и разумом одного человека, а вышло из народных масс, ими подсказано и предиктовано, где-то наверху собрано и сформулировано, а потом вновь проверено и апробировано массами народов России по обе стороны кордона.

Не кабинетное высиживание, а широчайшее коллективное народное творчество определило содержание власовской идеи.

Именно благодаря этим свойствам своего содержания власовская идея приобрела и дальше приобретает большую силу и значение, мимо которых сегодня уже нельзя пройти, которые нельзя сегодня игнорировать.

Политическая жизнь, политические судьбы стран и мира в нашем столетии перестали быть достоянием отдельных лиц, привилегированных сословий или каких-либо групп политических заговорщиков, а стали неотъемлемой прерогативой широчайших народных масс. Как бы не запутывались пути исторического процесса, в какую бы сторону не окло-нялись временно судьбы народов, все же окончательное решение этих вопросов, рано или поздно, принадлежит народным массам, ибо они до конца поддержат и до конца пойдут только за тем, чья политическая деятельность и политическое руководство будут являться совершенно естественно отражением воли широчайших народных масс. Поэтому совершенно естественно, что идея, самими же массами рожденная и ими же широчайшим образом поддержанная, превращаясь не только в реальную силу, но и дает только обладает большей жизненностью и действенностью, но и дает возможность овладевать этими массами и вести их на политическое действие, тем самым превращаясь для многих и многих в предмет их вождений.

Обстановка, сложившаяся сегодня в политической жизни российского зарубежья, в полной мере подтверждает наши рассуждения и наши выводы, ибо эту обстановку нельзя характеризовать иначе, как борьбой за власовское наследство, в которую включились не только все группировки от крайне правых до крайне левых, но и отдельные "выдающиеся личности". Шадя чужую политическую скромность и политические ризы достопочтенных участников этой игры, мы не склонны, грубо говоря, "указывать пальцами" и аргументировать наше утверждение фактами, имеющимися в более, чем достаточном количестве, и к арсеналу убийственно-убедительных фактов прибегнем только тогда, когда высказанное нами положение в принципе подвергнется сомнению. В настоящий же момент мы только хотим характеризовать положение и предупредить массы о далеко зашедшей "охоте за человеческими душами", в методах своих иногда граничащую с методами охоты за черепами, а также предостеречь от "отдельных выдающихся личностей", этих новоиспеченных "детей лейтенанта Шмита", стремящихся к политическому кредиту в счет сомнительного родства.

Мы делаем этот шаг вынужденно, ибо не можем не реагировать на спекуляцию именем и памятью нашего вождя и жонглирование идеей Освободительного Движения. Но в то же время мы вполне чистосердечно заявляем, что эта возня беспокоит нас очень мало, так как она слишком несерьезна и, по нашему глубокому убеждению, не может сколько-нибудь значительно отвлечь с правильного пути эмигрантские массы, как не может, в какой бы то ни было мере, скомпрометировать власовскую идею. Что же касается той стороны кордона, то, к счастью, она туда вовсе не проникает, так как достопочтенные претенденты на наследство вполне уподобляются паукам в банке.

Наше спокойствие и нашу уверенность в окончательном исходе этой борьбы, мы черпаем вот из какого весьма и весьма важного обстоятельства: Все эти претенденты, купно и порознь, знают о власовской идее, примерно, только то, что заключается в Манифесте и в других немногочисленных официальных документах Движения, и в очень редких случаях знают об этом несколько больше. И вот, этим господам невдомек, что власовская идея, развивавшаяся фактически в полуподполье, оставила по себе, пока-что, мало документов, но зато очень и очень много оставила в людях, в их мозгах и душах; что власовская идея имеет свой стиль и свой почерк, который узнается нашими массами безошибочно, как узнается почерк близкого человека. 14 пунктов Манифеста еще далеко не есть содержание власовской идеи, а являются только программой, логически из нее вытекающей, и затвердить эти пункты — не значит стать власовцем. Уверять, бия себя в грудь, — "я власовец" — тоже слишком мало; ибо для того, чтобы стать власовцем, стать действительно борцом Освободительного Движения, нужно понять смысл и дух власовской идеи, т.е. сделать именно то, что абсолютно недоступно господам от конъюнктурной политики, так как власовская идея требует прежде всего высочайшей принципиальности.

Прихватив, каждый по своему разумению, какую-либо часть великого багажа эти группы горе-деятели спешат разложить его по привлекательней, зыкнуть потаровитее и... улавливать души. Только ясно ли им, что перед этими самыми душами, кстати сказать, душами весьма и весьма искушенными и сведущими в подобных делах, они выступают в одеянии, представляющем трогательную комбинацию из Тришкина кафтана и фиговых листочков, кстати, не всегда находящихся там, где им быть положено.

Сегодня это очевидно для сотен, завтра будет очевидно тысячам, послезавтра — всем.

Что после этого может последовать, мы — тоже, из скромности, судить не беремся. Но, конечно, в отдельных случаях возможны и промахи. В дни нашего безвременья, когда больше живут мечтой, чем реальностью, когда до боли хочется желаемое сделать действи-

тельностью, а в серой действительности увидеть розовое желаемое, — легко ошибиться. Правда, каждая ошибка рано или поздно исправляется, но после многих ошибок остается горький осадок разочарования и недовольства. И вот, чтобы избежать этих ошибок и неизбежно вытекающих из них разочарований, мы рекомендуем пристальной внимательности во все происходящее вокруг нас. Спокойного, внимательного и критического подхода не выдерживают господа жонглеры, и насмеш созданные балаганы для завлечения почтенной публики румася, как карточные домики, а Тришкин кафтан и фиговые листочки предстанут во всей своей наглой неприглядности.

Что же касается "отдельных выдающихся личностей", идущих этой же стезей, то их — новый просбраз сыновей лейтенанта Шмита — может, увы, постигнуть та же участь, которая постигла героя того же произведения — небезизвестного Паниковского.

В Камышин.

ИДЕЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

Революция происходит тогда, когда в государстве назревает целый ряд экономических, социальных и общественных проблем, требующих немедленного и радикального разрешения; когда народ и государство бедствуют, а основная масса населения настроена враждебно к старому режиму.

Это первая и основная причина революции, без нее никакая революция невозможна. Народные массы должны знать, против чего бороться.

Но и этой одной, даже и самой главной, причины для революции недостаточно.

Народ должен твердо знать, каким новым общественным и государственным режимом надо заменить старый режим, чтобы правильно разрешить все наболевшие вопросы.

В сознании народа должна проникнуть и стать ему понятной программа нового общественного и государственного устройства — творческая оппозиционная идея.

Подлинно творческая идея выковывается не сразу и не легко. Вначале общественные мыслители критикуют основные недостатки существующей социально-государственной системы и пытаются, пока еще теоретически, их разрешить. Так они пробуждают оппозиционную мысль. Следующий шаг — это сопоставление своей истории с историей других народов и государств. Общественные мыслители изучают, каким путем были устранены другими народами сходные недостатки общественного строя, в результате чего эти народы предвинулись в своем общественном развитии значительно дальше, и их жизнь стала свободнее и богаче. Вначале оппозиционная мысль пытается просветить свой народ и убедить свое правительство провести необходимые общественные реформы. Оппозиционные идеи пока еще не переросли в революционную.

Если правительство дальновидно и честное, если оно стремится выполнить свой долг перед народом и государством, то оно внимательно прислушивается к голосу оппозиционной общественности и своевременно проводит прогрессивные реформы. Например, император Петр Великий охотно выслушивал критические замечания князя Долгорукова и мужественно, не боясь уронить своего престижа, исправлял ранее сделанные им неправильные шаги. Царица Елизавета Петровна, услышав голос своих современников-гуманистов, царским указом отменила пытки и смертную казнь и ни разу не отступила от своего решения. Перед освобождением крестьян, император Александр II-й внимательно изучал журнал "Колокол", издававшийся за границей политическим эмигрантом Герценом. Молодой император с редким гражданским мужеством оценил об"активность своего политического противника и многое у него позаимствовал, проводя в жизнь свои исторические реформы.

Своевременные реформы — самый лучший, самый быстрый и бескровный путь исторического развития. Поэтому, чтобы своевременно реагировать на нужды народа, в каждом здоровом государстве допускаются оппозиция, которая критикует и дополняет правительство и с которой последнее считается.

Но если правительство не слушает голоса общественности, если оно тупоумно отстаивает явно обанкротившиеся и реакционные порядки, если народ и государство из-за этого продолжают бедствовать, то самые честные, дальновидные и отважные представители народа принимают решение изменить существующий режим путем революционного насилия.

Безкомпромиссные противники прежнего режима четко формулируют, какие порядки должны быть разрушены и что должно прийти им на смену, чтобы вывести государство из тупика и правильно разрешить все наболевшие вопросы. Противники режима распространяют свои планы в широкие слои населения и вырабатывают методы борьбы.

Теперь народ уже знает против чего бороться, за что бороться и как бороться. Так зарождается творческая революционная идея.

Пока нет творческого начала — революционной идеи — открытые выступления вызванные недовольством, превращаются в бунт.

Бунт отличается от революции тем, что он направлен не против системы в целом, а против ее отдельных проявлений и против ее отдельных представителей. Бунт — явление неорганизованное; он никогда не может возникнуть одновременно в разных пунктах, и на окраинах и в столице. Поэтому правительство всегда имеет время перебросить свои силы против бунтовщиков и разбить их по частям. Кроме того, раз бунт лишен творческой идеи, то он заранее обречен на неудачу, как бы не были велики его размеры. Бунтовщики могут разрушить на известном протяжении старый строй, но они не способны создать новый лучший режим и противопоставить его старому — худшему. В этом отношении показательна история Пугачевского бунта. Пугачев не выступал против монархии, как государственного строя. Выступая против дворянской монархии Екатерины Второй, он стал создавать свою разбойничью "монархию", назвавшись императором Петром III. В первое время, когда он громил крепостников-дворян, крестьянство его поддерживало, но когда Пугачев на их место посадил своих разбойничьих воевод, крестьянство быстро разочаровалось и разбежалось при появлении регулярных войск.

Зародыш прогрессивного режима, оживленный творческой революционной идеей, как магнит притягивает к себе здоровые силы народа, силы, которые раньше лежали под спудом или подавлялись старым режимом.

Из этих сил создается несокрушимый народно-революционный аппарат. История показала, что если такой аппарат не разрушен властью в первый же момент, если он успел завоевать доверие и признание народа, то он проявляет необычайную стойкость и живучесть. Причина этой живучести в том, что из народной среды к нему все время вливаются могучие пополнения, неисчерпаемые резервы и силы, которые залечивают самые тяжелые раны.

Отдельные люди и группы, спаянные общей идеей, действуют организовано и целеустремленно в одном направлении, хотя бы они и находились в разных местах и были изолированы друг от друга. И не случайно испугался Ленин в 1921 году, когда и в Тамбовских лесах и в Сибири, и среди горняков Донбасса, и среди рабочих-металлистов, и в Кронштадте прозвучали новые антикоммунистические революционные лозунги — лозунги, которые нашли отклик у большинства народа. Ленин прекрасно понял, что это был не бунт, не мятеж, а первый раскат грома антикоммунистической народной революции. Зародыша новой революции он испугался больше, чем белых армий и поспешно уступил, превратив народную революцию.

Революционная идея и ее конкретизация — революционная программа — служат тем цементом, который скрепляет революционных бойцов, скрепляет те самородки, которые появляются из толпы народа во время общественных потрясений. Любые, самые идеальные, ставят ее превыше всего; перед ней отступают и личное самлюбие, и эгоизм, и антипатии. Революционная идея служит тем светочем, который указывает перспективы и пути революционного движения и обуславливают его стратегию и тактику.

Если революция подготовлена идейно, стратегически и тактически, то правительство получает целенаправленные удары, бьющие его по самым уязвимым местам во всех узловых пунктах страны. Повсюду возникают очаги нового режима, которые сливаются между собой и наступательная сила которых растет ежеминутно. Силы реакционного режима распадаются и тает, а силы революции получают все новые и новые пополнения. Фронт рушится, революция торжествует.

Но это бывает не всегда. Перед лицом революции старый режим идет на тактические уступки, частично осуществляя ее требования. Часть революционных борцов идет на компромисс с правительством. Ряды революции раскалываются, сменяется наступательный дух революции.

Если старое правительство дальновидно, если оно умеет делать выводы из фактов, то оно сохраняет и развивает дальние эти уступки. Наступает реформа — частичная победа революции, ее завоевание.

Своевременные творческие реформы могут приостановить ход революции, так как само правительство, не признаваясь в этом, ведет страну по правильному пути, освещенному революционной идеей. В старое государственные формы, не разрушая их, вливается новое содержание, новая суть.

Если правительство недальновидно и эгоистично, то как только наступит перемена — так только склится революционная война и как только ему удастся расправиться с вождями революции, то оно само отменяет свои реформы и силой оружия поворачивает страну и народ к исходному положению. Наступает реакция — временная победа старого режима, временное поражение революции.

Так произошло в 1905-1906 году в России. Под угрозой революции царское правительство осуществило ее основные требования — признало законодательное народное представительство: законодательную Государственную Думу. Это принесло успокоение и вызвало падение революционной волны. Используя это, правительство уничтожило самых активных революционеров, а затем, когда Государственная Дума попыталась законно провести прогрессивные реформы, ее разогнали.

Но в действительности гораздо большее поражение потерпел революционный режим, хотя это поражение и не заметно на первый взгляд. Казалось бы, и правительство, и народ, и страна вернулись к исходному, предреволюционному положению — "все по старому". В действительности же далеко не все "по старому". "По старому" осталось только то, что сохранилась главная и основная причина революции — недовольство режимом. Но многое уже "по новому". Во-первых, во время революции, пусть революции неудачной, быстро и широко, до каждого отдельного гражданина, дошли революционные лозунги программы и идеи. Революция, пусть неудачная, всех просветила политически. Во-вторых, пойдя на временные уступки требованиям революции, правительство само, своим авторитетом, подтвердило их правильность само проагитировало против себя. В-третьих, отняв эти уступки оно само доказало, что верить его обещаниям нельзя, что если хочешь воплотить свои чаяния в жизнь, то со старым режимом надо бороться до конца, до его полного уничтожения. Своими действиями, правительстве убедительно всего доказывает, что правы были его смертельные враги — бескомпромиссные революционные вожди, а неправы были те, кто считал, что достаточно было подтолкнуть их борьбу до конца. Погибли

отдельные выразители идеи, но идея, политая их кровью, стала еще мощнее, шире, ярче и жизненнее. В-четвертых, и участники антиправительственного движения и широкие народные массы суммируют и систематизируют свой опыт, изучают свои ошибки с тем, чтобы их больше не повторить. Идея обновляется, крепнет и кристаллизуется. В результате разгрома революции режим катастрофически теряет политический авторитет, а авторитет революционной идеи и революционера неизмеримо растет.

Так, если в 1905 году свалить самодержавие не могли ни баррикады Пресни, ни воостания моряков, солдат, крестьян и рабочих, ни террористические акты, то в феврале 1917 года самодержавие пало в результате уличного бунта. Если 9 января 1905 года солдаты стреляли в толпу, идущую с иконами и церковным пением, то в 1917 году солдаты уже не стреляли в восставших. Если в 1905 году придворные и высшие военные поддерживали самодержавие, то в 1917 году Император подписал отречение под давлением высших генералов. Самодержавие было дискредитировано, а идея революции распространилась повсюду — она буквально носилась в воздухе. Неудавшаяся революция — генеральная репетиция политической борьбы. Зрителями является весь народ. На этой репетиции он убеждается, кто какую играет роль, кто прав, кто виноват, кому можно верить, а кто может и сбавить. Разница только в том, что на следующем настоящем представлении участвуют уже все зрители, весь народ, и он становится на сторону своих любимых героев и сам предпринимает развязку политической драмы.

Раз остались основные причины революционного движения, раз в сердцах народа распространилась, выросла и окрепла революционная идея, то революционная волна нарастает снова. На смену павшим идут новые борцы и занимают пустующие места в революционных рядах. В первый благоприятный момент, как феникс из пепла, с новой, несбывалой силой возрождается революционная идея. На этот раз ее взлет не останавливают никакими обещаниями, никакими уступками, никакими закликаниями о реформах. На зов обновленной и орошенной кровью борцов идеями поднимаются миллионы и встраиваются в несокрушимую революционную кагорту, которая растет, как лавина. И сбываются слова песни революционеров-смертников:

"... скоро из наших костей подымется мститель суровый и будет он нас посильней".

Теперь уже бьет двенадцатый час обанкротившегося и изолгавшегося режима.

Подобные события разворачиваются и на наших глазах. Большевистский режим во время войны, перед угрозой разгрома, пошел на некоторые уступки народу. Еще больше он сделал неясных, но и заманчивых обещаний об изменении режима.

Русское Освободительное Движение развивалось в катастрофически тяжелой обстановке. Внешние враги были слишком сильны. Их оказалось слишком много, и их удары были слишком неожиданны. Только вследствие этого, а вовсе не из-за внутренней слабости, Русскому Освободительному Движению не удалось создать организованного очага свободной России, вокруг которого сплотились бы лучшие силы наших народов. Но сами большевики лучше всего и сильнее всего подтвердили правильность дела этого движения.

После победы большевики еще раз обманули народ, но, повидимому, и в последний раз.

Разгром Освободительного Движения можно сравнить с разгромом революции 1905 года. Тогда тоже физически разгромили революцию, тогда тоже вожди погибли на эшафотах; но революционная идея охватила революционные массы, и в первый благоприятный момент революция возродилась.

Сейчас обстановка более напряжена, чем когда либо в истории нашей Родины.

В народ брошена четко сформулированная народная идея и программа, в которой выкристаллизовались чаяния народа.

Теперь уже он не упустит ни одного подходящего момента, и тогда во всех концах нашей Родины возникнут очаги Освободительного Движения, которые будут действовать согласованно и целеустремленно. Тогда снова, как феникс из пепла, с новой силой возродится Освободительное Движение, которое поднимет наши измученные народы на последний бой "за землю, за волю, за лучшую долю" — и страшный в гневе встанет наш народ.

Китайская мудрость гласит: "Если народ топнет ногой — будет землетрясение; если народ вдохнет полной грудью — поднимется ураган." И это землетрясение не оставит камня на камне от вавилонской башни сталинского социал-сацизма. И этот ураган сметет навеки его обломки. Взойдет солнце.

Сергей Сарудный.

ТРОЦКИЙ И КОМУНИЗМ.

(Взлет и крушение Троцкого).

От редакции: Статья рекомендуется в помощь изучающим историю большевизма.

Один из организаторов российской социал-демократической рабочей партии, активный участник революции 1905 года, политический сеньный, блестящий журналист, непревзойденный оратор, организатор Октябрьского переворота, парком иностранных дел, заключивший Брестский мир, организатор Красной Армии, парком-восмор и... вождь разгромленной оппозиции, партийный неудачник и политический изгнанник — таков краткое жизненное путешествие человека, пронесшегося зловещим красным метеором по годам российского лихолетья и кончивший свою жизнь где-то в Мексике, на заворках земного шара от удара нанесенного молотком по черепу не то своим разочаровавшимся единомышленником, не то платным сталинским агентом.

Фигура Троцкого безусловно заслуживает рассмотрения.

Лев Давидович Бронштейн родился в полуинтеллигентной семье еврея-арендатора. С детства он отличался выдающимися способностями, громадным честолюбием и пренебрежительным отношением к окружающим. Вместе с тем, его самолюбие, как еврея, было с детства ущемлено; его с"едала скрытая и не всегда осознанная зависть к господствующему дворянскому сословию. Отсюда и псевдоним — Троцкий. Троцкие — старинная русская дворянская фамилия. Отец Льва Давидовича — Давид Бронштейн арендовал имение у одного из отпрысков этой фамилии, у генерала Троцкого, и с личностью этого дворянского генерала у маленького сына арендатора, очевидно, было связано представление о благородстве и величии... Затем кипучая, рискованная и напряженная революционная деятельность, где проявились и таланты и энергия честолюбивого молодого человека. Кроме того, Лев Троцкий быстро завоевал себе крупное литературное имя, как глубокий и хлесткий журналист. Недаром знаменитый Бернард Шоу окрестил его "королем памфлетистов".

Но настоящий взлет начался в 1917 году. Тогда Лев Троцкий стал "львом революции". Во время подготовки октябрьского переворота Троцкий забывал свои прежние разногласия с Лениным и становится его ближайшим соратником, его правой рукой.

Значительную роль в политической подготовке будущих красногвардейцев сыграли выступления Троцкого на массовых митингах в цирке "Модерн", которые могут служить образцом ораторского искусства. Вот как он сам изображает свои выступления:

"Местами" казалось, что ошущаешь губами требования толпы. Тогда намеченные заранее повеления и слова подхватывались, выступали под повелительным нажимом осуждения, а из под

спуда выходили во всеоружии другие слова, другие мысли, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда, лось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны не успеваешь за ним мыслью и тревожишься только, что он как сомнамбул, не сорвался с каннива от голоса с резонерства".

Затем последовал арест. Но во время выступления Корнилова сидевшее на двух стульях Временное правительство поспешило освободить Троцкого, ибо без помощи большевиков оно было не в силах справиться с Корниловым.

"Прямо из "Крестов" я отправился в недавно созданный комитет по обороне революции, где заседал с теми самыми господами, которые посадили меня в тюрьму, как гегенберговского агента и еще не успели снять с меня обвинения... Народники и меньшевики, признаюсь чистосердечным видом своим вызвали пожелания, чтобы Корнилов взял их за шиворот и потряс ими в воздухе".

В этих словах проскальзывает нескрываемое презрение к революционным господам, расчистившим дорогу большевикам, и скрытое уважение к Корнилову. Великий пораженец оценил по достоинству "великого патриота" и "великих двуручников".

В подготовке и в проведении рокового дня России — октябрьского переворота, Троцкий сыграл решающую роль. Ленин наметил общую стратегию большевистской партии (Апрельские тезисы), но непосредственное проведение в жизнь плана — дело рук и головы Троцкого.

Вот как охарактеризовал Сталин роль своего будущего смертельного врага:

"Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом Т. Троцкому." ("Правда" от 7 ноября 1918 года).

Троцкий же так характеризует других партийных вождей: "... в период подготовки Октябрьского переворота Ленин скрывался в Финляндии, Каменев, Зиновьев, Рыков, Калинин были противниками восстания, о Сталине же никто ничего не знал."

В об"ективности обоих высказываний сомнений быть не может. Для нас же особенно важен следующий момент: мы характеризуем Октябрь именно как переворот, а не как всенародную революцию; переворотом называет его и Троцкий. Следовательно, в данном вопросе у нас нет расхождений с организаторами и руководителями Красного Октября.

Не менее ценно признание Троцким роли германского штаба в подготовке этого трагического для всех нас события:

"Людендорф надеялся, что революция в России приведет к разложению царской армии, — сперва февральская революция, а затем Октябрьская. Чтобы разоблачить этот план Людендорфа не нужны были его мемуары, достаточно того факта, что группа русских революционеров пропущена была через Германию".

Действительно, этого факта вполне достаточно — соглашаемся мы с Троцким.

Следующим крупным политическим шагом Троцкого, к этому времени уже назначенного комиссаром иностранных дел, было заключение Брестского мира. 1918 год был чрезвычайно тяжелым годом для большевиков. Во-первых, позорный мир с Германией вызвал бурю протестов внутри России. Были возмущены и требовали "революционной войны" очень многие большевики. Во-вторых, дружба "ультрареволюционных" русских большевиков с ультрареакционными кайзеровскими

генералами вызвала горькое недоумение и разочарование у тогда еще многочисленных, идейных революционеров-марксистов Германии и всего мира. Большевики чрезвычайно болезненно реагировали на об"яснения в любви со стороны германского генерального штаба, так как они прекрасно понимали, что это роковым образом подрывает их революционный престиж в глазах "революционного пролетариата всех стран". А brave кайзеровские генералы ухаживали за коммунистической революцией в России с чисто фельдфебельской деликатностью. Троцкий так характеризует это ухаживание:

"Штаб генерала Гофмана издал для пленных газету "Русский Вестник", которая на первых порах, ставшаясь о большевиках не иначе, как с трогательной симпатией. "Наши читатели", — рассказывал Гофман, — русские пленные — нас спрашивают, что такой Троцкий?" и он с умиленным сообщал им о моей борьбе с царизмом и о моей немецкой книге "Russia and the Revolution". Весь революционный мир восторгался его упавшимся побегом." И далее, "когда был изложен царизм, тайные друзья царизма, вскоре по возвращении Троцкого из долготелной ссылки, посадили его в тюрьму." Словом, не было более пламенных революционеров, чем Леопольд Баварский и Гофман Прусский."

Да, хотел организатор Октября смириться, а сказал сущую правду, но правду, нуждающуюся в уточнении. Действительно, не было больших большевиков чем Леопольд Баварский и Гофман Прусский, но только... для России. Для своего же "Батерланда" они были непримиримыми врагами большевизма. Германская военщина помогала, чем могла, русским большевикам Ленину и Троцкому захватить власть в России; но та же Германская военщина с исключительной ответственностью уничтожила "германского Ленина" — Карла Либкнехта и "германского Троцкого" — Розу Люксембург, когда те попытались повторить в Германии коммунистическую революцию.

В начале переговоров с миром немцы предложили более или менее сносные условия: они хотели честной сделки: большевикам — власть в побежденной и искромсанной России, а себе — части России: Польшу и Прибалтику. Но большевики хотели большего: они хотели всей Германии, всей Европы, всего мира. Верные своей марксистской доктрине, они ждали... германской, а затем и мировой революции. Они naïвно верили, что она (революция) должна вот-вот разразиться в ближайшие дни, недели или месяцы.

Этим только и можно об"яснить затягивание переговоров в Бресте Троцким и его формулу: "Мира не подписываем, войны не ведем."

В это время большевики лихорадочно вели коммунистическую пропаганду в германской армии. Но совместная большевистская пропаганда "вождей революции" и кайзеровских генералов гораздо успешнее действовала на сбитых с толку русских солдат. Русская армия разошлась по домам, а германская осталась в строю. Русские окопы спустели, дорога немцам была открыта, и они продиктовали очень тяжелые и унижительные условия мира. А вместо германской революции последовало признание Брестского мира в Рейкстаге германскими социал-демократами. Германский пролетариат в лице социал-демократии вылил ушат холсной воды на воссталенные головы русских коммунистов. "Мировая революция" — подвела, но позорным выходом из войны большевики закрепили свое международное положение.

После этой жалкой, но необходимой для большевистской партии, дипломатической победы, она бросает Троцкого на фронт гражданской войны, назначая его народным комиссаром по военным и морским делам.

Тут начались уже подлинные победы нового красного царства. Вначале у большевиков не было армии; были малочисленные, не преданные отряды коммунистов-красногвардейцев, но не было ни подготовленного командного состава, ни солдатской массы. А военное положение было тяжелое: из Сибири надвигался Колчак, на юге активизировался Деникин, на западе формировалась армия Юденича, в го-

родах красного тыла ванихивали восстания.

Троцкий принял героическое и в то же время совершенное оригинальное решение, которое блестяще себя оправдало. Прежде всего, он бросил все силы, все средства на организацию армии — "Все для фронта". Тыл голодал и терпел лишения, но армия была снабжена всем необходимым. Затем он привлек в Красную армию царское офицерство, отбросив, в данном случае, коммунистические предрассудки. Нечего и говорить, что, в подавляющем большинстве, офицерство было настроено враждебно к большевизму и, конечно, полностью доверять Красную армию такому командному составу — было невозможно; но было невозможно и обойтись без знаний и боевого опыта офицерства. Троцкий вводит институт военных комиссаров. Военком — большевик был полным и ответственным хозяином части, в руках которого были сосредоточены нити организации воинской дисциплины, снабжения и политического воспитания армии. Роль командира — военспеца из офицеров сводилась к роли начальника штаба или военного советника. Вместе с тем Троцкий смело выдвигал офицеров, доказавших свою преданность советской власти, на самые высшие командные посты, не боясь наступать на коммунистические мазоли старых большевиков, оказавшихся неспособными к военному делу. Смело выдвигались и беспартийные солдаты на командные должности.

Вся эта разнообразная масса цементировалась отлично поставленной пропагандой, проводимой политуправлением Красной армии, через комиссаров и политруков. Одними приказами и террором большевики в той обстановке действовать не могли: они были еще слишком слабы, а враг еще слишком силен. Прежде чем командовать массами их нужно было политически привлечь к себе. Широкая политическая пропаганда в армии — новый и успешный прием гражданской войны.

Солдатам льстило, что комиссар не только приказывает, но и просвещает их, обращается к их сознательности. И солдатам, и бывшим офицерам льстило, что за боевые заслуги можно выдвинуться на самые высшие командные посты, независимо от сословных и даже от партийных привилегий. (Главкомандующим Красной армии в годы гражданской войны был беспартийный офицер-генерал штаба Сергей Сергеевич Каменев.

Таким образом был создан костяк Красной армии.

Хуже было дело с массами. Крестьянство относилось с недоверием к коммунистическим лозунгам и массами дезертировало, зачастую с оружием в руках, а верные старым традициям, белые офицерские отряды повсюду громили вновь нарождающуюся Красную армию вместе с ее комиссарами и военспецами.

Большевики стали искать козла отпущения; у них не хватало мужества обяснить свои неудачи несостоятельностью их коммунистических экспериментов и бездарностью своих краскомов — выдвиженцев. На верхах и на низах партии разразились громы и молнии по адресу военспецов. Поводом были, в общем, немногочисленные измены бывших офицеров.

Кампанию против военспецов возглавляли и бездарности вроде Ворошилова, и партийные вожди вроде Ленина, не отрешившегося от традиционных коммунистических предрассудков. Троцкий так характеризует эту кампанию:

"В кругах Ворошилова с ненавистью говорили о спенах, о военных академках, о высоких штабах".

Еще показательнее дискуссия по этому поводу Ленина с Троцким. "А не прогнать ли всех спенов поголовно и не назначить ли Лашевича главнокомандующим?" — запросил Ленин Троцкого (Лашевич — бывший унтер-офицер. Прим. автора).

"Вы спрашиваете не лучше ли прогнать всех бывших офицеров. А знаете ли Вы, сколько их теперь у нас в армии?"

"Не знаю, примерно".

"Не знаю, но менее тридцати тысяч."

"Ка-а-а-к?"

"Не менее тридцати тысяч. На одного изменника приходится сотня надежных, на одного перебежчика — два-три убитых".

Затем последовало выступление Ленина:

"Когда мне недавно г. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, когда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага... так строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас".

Троцкий отстоял от вождей и середняков коммунистической партии офицерский мозг Красной армии.

Созданию массовой Красной армии больше всего помогли ее враги — белые генералы. В тылу у белых армий работали каратели, воскрешая уже не армейские, а жандармско-полицейские традиции. По характерному выражению Троцкого, "белые научили мужика грамоте". Действительно, каратели и возвращающиеся помещики проагитировали в пользу красных гораздо сильнее, чем все комиссары вместе взятые. Крестьянство пошло в Красную армию и укрепило ее в самый критический момент. Белые толкнули русское крестьянство в объятия красных. Война гражданская между красногвардейцами и белыми превратилась в войну крестьянскую, в войну за кусок собственной земли, в войну против помещиков.

Так из враждебных коммунизму крестьянских "кирпичей" была построена Красная армия, победившая в гражданской войне.

Оригинально, что одно из своих крупных внутренних поражений Троцкий потерпел именно от протсже, от военспецов. Он был достаточно умен, чтобы понять, что он не является подлинным военным стратегом, а является, в лучшем случае, только способным дилетантом и первоклассным комиссаром — агитатором и организатором.

Троцкий носился на своем специальном бронепоезде по всем фронтам, произносил зажигательные речи, иногда ходил в атаку с винтовкой в руках, повышал выдающихся, подстегивал отстающих, смещал неспособных командиров, расстреливал изменников, быстро оценивал тактическую обстановку и смело бросал резервы в места прорывов.

Но основные стратегические вопросы решал Главковерх — выдающийся полковник Каменев.

В 1919 году Красная армия добилась решающих успехов на восточном фронте, но потерпела также и решительное поражение от Деникина. Перед красным командованием встал вопрос, добивать ли до конца Колчака, пренебрегая угрозой со стороны Деникина, или временно оставить Колчака в покое и бросить снятые с восточного фронта резервы против вооруженных сил юга России. Первую точку зрения защищал Главковерх Каменев. Составил в этом духе оперативный план Егоров поддержал другой выдающийся краском Егоров (тоже бывший офицер). Вторую точку зрения защищал Троцкий, который тоже составил свой оперативный план. Победил взгляд Главного Командования. Нервы у профессиональных военных оказались крепче, чем у революционного вождя. Троцкий мужественно признал свою ошибку.

План Егорова был подхвачен Сталиным и изменен им в несущественных деталях. Сталин же способствовал тому, чтобы этот план военспецов был принят партией, очевидно потому, что он был направлен против Троцкого. Сам Сталин все время относился враждебно к военспецам и покровительствовал военным бездарностям — коммунистам Ворошилову и Буденному. Так родился "гениальный" план Сталина.

Победа на фронтах дорого обходилась советской власти. В тылу свирепствовал мертвящий "военный коммунизм", вызывающий голод и разруху. Разваливался транспорт, восставали села, начались перебои в снабжении армии.

Троцкий почувал опасность и проявил тактический здравый смысл, идущий вразрез с коммунистической доктриной. Его предложение в феврале 1920 года сводилось к следующему:

"Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1. Заменить изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода прогрессивный натуральный подоходный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка, или лучшая обработка земли представляли все же выгоду.
2. Установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба, не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам".

Но "Вначале 1920 года Ленин выступил решительно против этих предложений" (Троцкий - "Моя Жизнь").

Троцкий не защищал интересы крестьянства, он защищал прежде всего интересы коммунизма, и для укрепления коммунизма предлагал пойти на незначительное тактическое отступление от коммунистической доктрины на менее важном участке - на хозяйственном фронте.

Это подтверждается тем, что встретив решительное противодействие верного коммунистическим принципам Ленина, Троцкий совершил поворот на 180°:

"Раз переход на рыночные отношения был отвергнут, я требовал правильного и систематического проведения "военных" методов, чтобы добиться реальных успехов в хозяйстве."

На этот раз "военные" методы по мобилизации хозяйственных ресурсов "вывезли".

Но вскоре большевики попали в новый тяжелый военно-политический кризис.

В войне с Польшей Красная Армия добилась ряда крупных побед и подошла к стенам Варшавы. Большевики сформировали уже коммунистическое польское правительство во главе с Дзержинским, Берзиным, Косиором и другими. Коммунистической Польши хотели Ленин и Троцкий, хотели и новоспеченное коммунистическое польское правительство, но не хотел польский народ.

Пилсудский избежал ошибок белых генералов и сумел привлечь на свою сторону польских рабочих и крестьян. Польша Пилсудского вовсе не была такой "полюшкой", как этого страшно хотелось бы советским коммунистическим вождям. Пилсудский, опираясь на национальный под"ем и прогрессивные реформы, сумел мобилизовать всю нацию, независимо от сословных и классовых различий. По вынужденному признанию Буденного, в польской армии одинаково храбро сражались, не сдаваясь в плен, как паны офицеры, так и холопы солдаты. К тому же, красное командование и сам Троцкий наделали много стратегических ошибок. Очевидно, рассчитывая на поддержку польского "пролетариата и беднейшего крестьянства", он решил захватить Польшу молниеносным ударом, вопреки противодействию умудренного опытом военспеца генерала Брусилова. Совершенно неуместные "классовое самосознание" проявили командиры Первой Конной Буденный и Ворошилов, нарушив приказ и направив свою армию на Львов-Краков, не желая идти на Варшаву, которую штурмовал "дворянин" Тухачевский. Пилсудский, как истинный полководец, использовал как промахи красного командования, так и перелом в настроении польской армии, перед которой встал вопрос: "Быть или не быть" независимой Польши. К тому же ему на помощь пришли и французские генералы.

Произошло "чудо на Висле" и, разгромленная наголову Красная армия панически побежала назад, а с нею вместе и коммунистическое польское правительство, оказавшееся на польской земле без политической почвы.

Но вооруженные силы Польши были слабее сил Красной Армии, и

коммунистическая партия стала готовиться ко второму походу на Варшаву. Этот шаг диктовался тем, что в Германии шла революционная борьба и Красная армия должна была прийти на помощь довольно слабым германским коммунистам и утвердить германскую коммунистическую диктатуру штыками Советской России.

Но против этого плана решительно выступил Троцкий - тот самый Троцкий, который был сторонником мировой революции, который еще недавно убеждал Ленина, что германская революция важнее русской; тот, кто всемерно затягивал брестские переговоры и, проводя коммунистическую агитацию в германской армии, ожидал революции в Германии; тот, кто впоследствии считал нелепостью построение социализма в одной стране, а предлагал бросить все силы на поддержку международного коммунистического движения.

В чем же тут был секрет?

Сам он объяснял отказ от второго похода на Польшу и требование мира с Польшей скверным состоянием Красной Армии, наличием Врангеля в Крыму, словом, всем чем угодно... Но истинных причин отказа от "советской Польши" он не посмел высказать, ни тогда, ни впоследствии.

Истинная причина лежит, конечно, в том, что польские "трудящиеся" поддержали Пилсудского, а не польских коммунистов и встретили Красную армию с нескрываемой враждебностью. Как опытный игрок, Троцкий определил Пилсудского, как политического шахматиста первой категории, который предвосхитил план коммунистов - опору на широкие народные массы. Троцкий во время предложил ему ничью, предпочитая эту верную "гроссмейстерскую ничью" продолжению политической игры, которая вместо выигрыша могла бы привести к политическому разгрому. А разгром после всех побед был весьма реален. К командованию Белой армии в Крыму пришел генерал Врангель, который выдвинул прогрессивную и понятную для народа политическую программу и начал развивать успешное наступление. Сделав "ничью" с Пилсудским, Троцкий помог большевикам дать "мат" Врангелю.

Так Троцкий помог выйти коммунистической партии из критического положения.

Затем разразились Антоновское и Кронштадтское восстания. Начинается волнение среди рабочих и солдат, повсеместно восстают села, растет грозное возмущение и среди рядовых членов партии. Народ требует свободной торговли, свободы ремесел и частной инициативы, отмены военного коммунизма, свободы партий, уничтожения террора - "советов без коммунистов".

Перепуганный Ленин перехватывает экономическую программу восставших и отступает от коммунизма. Троцкий его решительно поддерживает и неловко приписывает себе предвосхищение НЭПа, ссылаясь на выступления в начале 1920 года:

"Для меня они были только возобновлением тех предложений, которые я внес год тому назад".

Так характеризует Троцкий ленинские тезисы о НЭПе забив прибавить: "и от которых я сам отказался".

Нет, НЭП это был не переход к половинчатому предложению Троцкого - это было решительное отступление от принципов коммунизма, отступление, отвоёванное кронштадтскими матросами и антоновскими партизанами для русского народа. Ссылкой на свои предложения Троцкий пытался затушить экономическое крушение коммунизма. Красный вождь Троцкий не посмел признаться, что в 1921 году в России началась антикоммунистическая революция.

Победив в гражданской войне и об"явив НЭП, коммунистическая партия обеспечила себе длительную передышку.

Но в связи с болезнью Ленина, внутри самой партии - победительницы началась скрытая, но очень напряженная борьба за власть. Правда, Ленин был жив, он своим авторитетом сдерживал страсти и не давал борьбе вылиться в открытые формы. Но дни Ленина были сочтены; это все прекрасно понимали. Партийные группировки гото-

вились к борьбе за ленинское наследство.

Троцкий полагался на свои военные и партийные заслуги, на то, что его имя было непосредственно связано с именем Ленина. Он переоценил свой авторитет и не обратил должного внимания на ту интригу, которая зрела и обормотилась за его спиной в рядах его же соратников. А в партийных верхах его не любили; не любили за диссидентские замашки, за талант, за пренебрежительные отношения к своим соратникам, за близость к Ленину. И самые разнообразные элементы партийных верхов объединились вокруг одной цели — свалить Троцкого. Особенно старались: Зиновьев — глава Коминтерна и Сталин — Генеральный секретарь партии. На пост Генерального секретаря Сталин был избран против желания Ленина; но так как Ленин держал в своих руках и партию и государство, то он мирился с этим выбором. К тому же Ленин не мог не оценить деловых качеств Сталина — дисциплинированность и энергию. Сталин не рассуждая исполнял всякое желание Ленина, никогда не осмеливаясь ему противоречить. В спокойной обстановке с таким помощником было легче работать, чем с талантливым, но самостоятельным Троцким. Троцкий дает такую характеристику Сталину, которую мы должны признать достаточно объективной:

"Он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, порешедшим в психологию мировоззрением".

И дальше.

"По настоящему Ленин узнал Сталина только после Октября. Он ценил его качества твердости и практического ума, состоящего на три четверти из хитрости. В то же время Ленин на каждом шагу наталкивался на невежество Сталина, крайнюю узость политического кругозора, на исключительную моральную грубость и неразборчивость".

Троцкий забыл еще подчеркнуть выдержку Сталина и умение скрывать до первого момента, свои истинные планы.

Таков человек, которому суждено было впоследствии добиться в партии и в Советском Союзе неограниченной власти.

Подготовка позиций Сталина в партии выглядела, по словам Троцкого, так:

"Он систематически подбирал вокруг себя людей, схожих с ним по типу, либо простаков, стремящихся жить по мудрству лукаво, либо, наконец, обиженных. И тех, и других, и третьих было немало".

Ясно, что подобная характеристика относится не только к Сталину, но и к большинству коммунистов того времени. Именно из таких людей и Ленин, и Троцкий создавали жестокую, морально-грубую, неразборчивую в средствах партию, административно-партийный аппарат которой выдержал все потрясения гражданской войны.

Ленина и Троцкого вовсе не беспокоило, когда партия "морально-грубо" и "не разбираясь в средствах" истребляла их врагов — буржуев и офицеров или отнимала "излишки" у крестьян. Но теперь, партийный аппарат и его "непосредственный начальник" Генеральный секретарь Сталин, стали приобретать слишком большую силу и проявлять излишнюю самостоятельность.

С.З.

Продолжение в № 31, 32

П Е С Н Я.

Куковала по весне кукушка,
Рассыпался трелью соловей...
Хоронили на лесной спуске
Двух России верных сыновей.

И пошли военной дорогой,
Что открыта всем семи ветрам,
И не встретит мать их у порога,
И напиться не подаст сестра...

Им могилу на чужбине рыли,
Далеко от дорогих им мест,
Над могилой горестно склонили
В белом флаге тонкий синий крест

Замирает рокот соловьиный,
Сушит солнце на листьях росу,
Расцветает белая калина
Над могилой, спрятанной в лесу.

Пусть никто не знает ваше имя,
Пусть забыты голос и лицо...
Но из крови, пролитой двами,
Вырастают сотни удалцов.

Т.Ф.

РУССКИЙ ВОПРОС, АТОМНЫЕ БОМБЫ И СТРАУСЫ.

"Наша русская мелодия вплелась в мировую симфонию не как основной элемент главной темы этой симфонии, а как вводная часть, чуждая ей по своему яркому необычному колориту. В ней слишком много подлинно русского, от чего всегда инстинктивно страдалась европейская культура: — чудо или безумие, откровение или юродство..."

Но хочет или не хочет мир слушать русскую мелодию, все же наше русское дело за последние годы переросло рамки чисто русского внутреннего политического явления и превратилось в острую международную проблему. Мы становимся тканью мирового исторического процесса, и чем больше усиливается наступательный натиск восточно-коммунистической доктрины на весь мир, тем сильнее и призывнее будет звучать русская мелодия. " (Из сборника, посвященного Платтлингу, 1946 г.).

Сегодня, только два года спустя, русская мелодия стала лейтмотивом, но только не мировой симфонии, а мировой какофонии, страшных пугающих звуков. В ней слышны и горькое разочарование и смертельный страх перед надвигающимся ужасом, и бесисходность, и далекий гул атомных взрывов.

А у себя на родине русская мелодия звучит попрежнему. "В ней — боль, отчаяние, безнадежность. В ней — ярость и плач, перед которыми скорбные библейские псалмы кажутся порождением мимолетного детского горя" (Там же).

Раздвоилась русская мелодия, и озадаченный мир то-ли не хочет, то-ли не может понять, где звучит она правдиво; еще больше запутался в глазах иностранцев и без того многими усилиями запутанный пресловутый русский вопрос, а мы, в простоте своей душевной, и не можем понять отчего он запутался. Может быть, вопрос действительно путанный, а может быть за него путанники берутся; или вопрос слишком заушный, или за него без должного ума и знания пытаются взяться.

Не будем утруждать себя догадками: бесцельно это и не нужно. Мы твердо знаем одно: если сбросить в сторону всю заваль и шелуху исторических, биологических (российских тоже), экономических и всяких прочих побасенок, теоретик и доктринок, которыми облепили просвященный запад этот сакраментальный русский вопрос, то такового вопроса, в его современном западном понимании, не останется вовсе, а появится нечто новое, абсолютно ясное, простое и, к всеобщему удивлению, даже не страшное.

Действительно, что может быть проще? Существует большой, сильный, внутренне глубоко миролюбивый, удивительно умеющий уживаться с другими, но во гневе страшный, народ. Именно эти его свойства сообщают силу и значимость всякому начинанию, которое каким-либо

способом, в силу каких бы то ни было обстоятельств сумеет опереться на этот народ, вне зависимости от того, хорошо это начинается или преступно. На протяжении своей многовековой истории этот народ имел возможности на сколько-нибудь длительный срок проявлять свои чаяния и волю в политическом волеизъявлении государства, но зато много раз был принужден проявлять во вне свою мощь и свой гнев. На путях исканий правды на земле этот народ был обманут и насильем заведен в тупик. В поисках выхода из тупика этот народ уже более 30-ти лет ведет непримиримую кровавую борьбу с поработившей его кучкой международных авантюристов; последние же из всех сил замалчивают эту борьбу, пытаются представить неразрывное единство народа и власти. История последнего времени дала еще один козырь в руки авантюристов. Минувшая война предоставила им возможность утвердить во многих досужих головах идею нерушимого единства народа и власти; и никогда они не признаются открыто в том, что безумие Гитлера и Розенберга сыло их от разгрома, прежде всего именно силами своих народов. Таким образом, сейчас перед удивленным миром шулера от политики выкладывают логические выводы, построенные на чужом безумии, и делают это не без успеха.

Можно с уверенностью сказать, что существо этого столь важного в настоящий момент, для всего мира вопроса, понимают в западном мире очень и очень немногие. Во всяком случае таких людей людей настолько мало и их влияние, пока-что, настолько незначительно, что этот координатный мировой вопрос, почти не сдвинулся с места по пути своего правильного разрешения.

В чем же дело, почему так трудно доходит до сознания людей такие простые, в природе своей, и ясные вещи? Чего нехватает для понимания западным миром этого пресловутого русского вопроса?

И чем больше стараешься понять природу непонимания нашего вопроса теми, кто, казалось бы, прежде всего, в своих собственных интересах, должны были бы его понять, тем больше убеждаешься в том, как трудно многим и многим раз навсегда порвать с давно изжившими себя понятиями, как много лжи и клеветы всякого рода плотной пеленой окутывают этот вопрос и, наконец, как трудно путями современной политики дойти до зерна истины. А кроме того, хочется сказать: как мало истинной человечности в попытках решения этого вопроса, как мало простого человеческого чувства к чужим страданиям и как много политики.

Мы уверены, что на путях простой и ясной человечности лежит решение русского вопроса, но, к сожалению, мы еще не видели попыток его решения из чувства сострадания к нам. Может быть увидим такое решение из чувства сострадания к самим себе — решение запоздалое, но все же решение.

А пока-что, сегодня, каждый решает этот вопрос в меру своего разумения и темперамента.

"уй, уй, месье" — говорят одни: "Вы совершенно правы, но только, ради Бога, не тащите нас в этот проклятый русский лабиринт", и погружаются в призрак буржуазного благополучия.

"Ол-райт" — думают другие — "Как просто были эти вопросы, когда мы посылали своего первого посла к царю московскому. О если б вернуть эти золотые времена" — и прячут головы в дипломатические комбинации.

"О-кей" — сказал 7-го мая генерал Кенин — "мы решим этот вопрос системой сжимающегося кольца воздушных спорных баз и атомными бомбами" — и фактически спрятался за атомные бомбы.

Но странным образом в этих решениях отсутствует первопричина всей сегодняшней остроты т.е. русского вопроса; отсутствует Сталин и его камарилья. Они опять оказываются в столь выгодном и желанном для них положении незначительных величин, скрытых за толщей наших народов, в роли некой п"явки, на жизнь и на смерть, присосавшейся к могучему народному телу и страстно мечтающей навязать своему противнику роль крыловского медведя, столь неудачно стремившемуся освободить пустышку от назойливой мухи.

С нашей точки зрения, это вообще — не решения, а средство или способ уклониться от решения вопроса во всем его объеме и во всей его сложности.

Это есть политика страуса прячущего свою голову в песок при приближении опасности... с той только разницей, что спасительным пеньком для одних служит некий призрак буржуазного благополучия, для других — фора дипломатической переписки, для третьих — атомные бомбы.

Мы только боимся одного, что если будут упущены сроки, если решение будет навязано, если действительно дело дойдет до атомных бомб, то в страшном пламени взрывов разлетится в кусочки всякое благополучие, до тла сгорят дипломатические архивы и сгинут сами атомные бомбы.

К сожалению, только тогда станет для многих окончательно ясным все неудобство и неэлегантность позы испуганного страуса.

В.К.

ВНУК ДЕКАБРИСТА.

Мой дед — декабрист в офицерском мундире
Был схвачен; но юности шил
В сырых казематах, в мятелях Сибири
До старости в нем не остыл.

Я, внук его, также идошно и чисто
Поднялся за свергнутый строй, —
И вновь повторилась судьба декабриста:
Я к тачке приник головой...

Его и меня за служенье народу
Терновый украсил венец, —
Он жаждал свободы, я — жертва свободы...
Он, сеятель смуты — я, жнец.

Он в дебрях Сибири, а я в Шумадии
Платили безропотно счет,
За то, что восстали, во имя России,
За тот же бесправный народ.

кн.Кудашев.

ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ.

От редакции: Мы помещаем статьи иностранных авторов, характеризующих попытки отдельных представителей Запада и Америки правильно осветить русский вопрос.

К сожалению, таких представителей еще очень мало и их голос пока еще остается "гласом вопиющего в пустыне. Очевидно, русский вопрос умышленно кем-то запутывается, ибо нельзя себе представить, что истины, хорошо известные отдельным журналистам, были бы недоступны великим мира сего, делающим политику...

Проф. Герман.

СОВЕТСКАЯ КАСТОВАЯ СИСТЕМА.

Первое впечатление от новой советской кастовой системы я получил тотчас по моему прибытию в старый провинциальный большой город — Минск. где я проработал затем два года в качестве профессора университета. Когда я вышел из вагона и поставил свой багаж на платформу, подошли два носильщика и понесли его в зал ожидания.

Я следовал за ними. Оба толкнули входную дверь на вокзал, но оказалось, что войти в помещение сначала было невозможно, т.к. на полу, сплошь до самого дверного порога, тесно друг к другу, лежали оборванные люди, мужчины и женщины. Большинство из них спало. Это были, как я узнал впоследствии, крестьяне, прибывшие из голодных местностей. По всей стране лежали они по вокзалам, пока полиция не разгоняла их. Носильщики пинали ногами тела направо и налево, чтобы очистить нам проход. Удивительно, что я не слышал ни одного протеста, ни одного ворчания. Очевидно, для бедных созданий такое обращение было совершенно обычным.

Так прошли мы к ресторану, который представил совершенно иной вид. Прежде всего, здесь было достаточно места. На столиках имелись скатерти, хотя и грязноватые, стояли запыленные бумажные цветы. Когда я уселся и стал просматривать меню, я заметил, как один крестьянин подошел к входной двери, видимо, чтобы хоть одним глазом взглянуть на "другой мир". Но когда он сделал попытку войти, то одетый в зеленую форму швейцар, так грубо оттолкнул его назад, что тот пошатнулся. Такого широко прославленное равенство в Советском Союзе!

За время моего двухлетнего пребывания в Советском Союзе, я многократно убеждался, что простые крестьяне и рабочие всюду испытывают подобное обращение. Рабочий, одетый в свой обычный костюм, будет без церемонии выставлен из любого ресторана или железнодорожного вагона первого класса. Предположение, что рабочий мог бы приобрести себе лучший костюм, хотя бы ценою экономии в течение года, будет совершенно неверным. Только, так называемые, "стахановцы" могут себе позволить подобный расход.

Что же представляют из себя эти "стахановцы"? Это рабочие, которые, при особо благоприятных условиях, перевыполняют средние нормы выработки — так называемые "передовики производства". Естественно, что все рабочие глубоко ненавидят их. Многие из них сделали объектом мести со стороны своих товарищей по работе. С другой же стороны, они являются любимцами государственной власти, получают особенно высокую оплату и имеют ряд других преимуществ. На основе достижений стахановцев, государство повышает нормы выработки, другими словами — понижает оплату труда. В некоторой степени эти стахановцы принимают участие в той "счастливой жизни", которую ведут только вожди коммунистической партии, советского правительства, руководители государственных предприятий и высшие чиновники, а также офицеры полиции и Красной Армии.

Самое собой разумеется, что эти привилегированные группы находятся под постоянным контролем и им всегда грозит опасность впасть в немилость. "Меч революции", подвешенный на волоске, все время висит над их головами; они поставлены под непрерывное наблюдение ЧК, ОГПУ, НКВД или МВД, как последовательно называлось это учреждение. Никто не избавлен от его надзора, даже высокие дипломаты. Возьмем в качестве примера г. Громыко. Он окружен мелкими сотрудниками, секретарями, машинистками, шоферами, которые чистят его обувь и слушают его малейшего жеста. И тем не менее, он знает совершенно точно, что они доносят секретной службе о каждом его слове, о каждом поступке. Он знает также, что в Москве лежит папка с делом: "Громыко". И пока он соответствует целям своих господ, сотни неосторожно произнесенных им слов или других подобных "преступлений" могут сходить ему с рук; но когда-нибудь он должен будет сделать "признание" и подписать его.

Особенно высоко стоят на ступенях общественной лестницы директора государственных заводов и фабрик. Они имеют все: прекрасные квартиры, автомобили, прислугу, лошадей и, что в Советском Союзе особенно ценится — обильное питание. Различие между ними и рабочим также велико, как между бедняком и миллионером в капиталистическом мире.

Однако, неквалифицированные рабочие имеют одно преимущество. Они не находятся под таким строгим надзором, как представители более высоких классов. Простой рабочий может скорее высказать свое мнение, чем директор. Но если и он осмелится в присутствии близких или гостей свободно высказаться, то должен ожидать, что скоро лишится одного своего преимущества и что однажды ночью будет вытаснен из своей постели.

Я слышал однажды, как пьяный чистильщик обуви ругал советское правительство. Он был тотчас арестован. Но два дня спустя сидел снова на улице и чистил обувь. Всесмогущее государство может себе позволить игнорировать мнение чистильщика сапог, так как такой бедняга не имеет никакой власти. Чего диктатор действительно боится, так это свободного мнения высших классов и, прежде всего, офицеров Красной армии.

Красный террор имеет два вида оружия против населения: голое насилие и пропаганда. Оба проводятся специализировавшимися на этом людьми. Вне Советского Союза я слышал, что пропаганда более действительна, чем жестокий террор. Я сомневался в этом. Внутри России — в противоположность миру по эту сторону советских границ — ни один самый простой рабочий совхоза не верит ни одному слову, что он читает или слышит в кинематографе. Наоборот, он склонен принимать, что правильным является как раз противоположное. Если бы газеты однажды сказали, что солнце всходит на востоке, средний русский человек стал бы недоумевать, какую игру с ним затевают. Он был бы скорее склонен считать, что солнце всходит всюду, но не только не на востоке.

Следует бросить короткий взгляд еще на одну категорию людей, положение которых в Советском Союзе не так легко понять иностранцу: это каста "культурников", т.е. писателей, профессоров, журналистов, актеров и певцов. Они принадлежат — не все, конечно — к группе людей с большим доходом. Но действительность такова, что те из них, которые позволили бы себе сказать то, что они думают, будут ликвидированы. Их задачей является терроризировать души людей в то время, как секретная служба терроризирует их тела. Но не следует слишком строго осуждать этих "культурников". Они делают это не потому, что считают красный террор правильным, но только для того, чтобы питать свои семьи и избавить их от невероятно тяжелых жизненных условий низших классов.

Я хотел однажды одному горнорабочему, который владел двумя иностранными языками, помочь в получении лучшего места. До 1933 года он работал в Германии. Ему было предложено рассказывать своим товарищам по работе, как тяжело приходится немецким безработным. Он отказался, так как по собственному опыту знал, что безработные в прежней Германии жили лучше, чем работающие в Советском Союзе. Выполнять ли ему это пожелание учреждения во имя блага своей семьи? "Нет", — сказал он, — "лучше я буду голодать, чем лгать". Его жена, немка, которая была введена в курс дела, сказала со смелостью иностранки (она была германской подданной): "Пролетарии же могут жить в вашем Советском Союзе!" В своей простоте она попала в точку. Режим, который управляет от имени пролетариата, делает для этого пролетария невозможным вести приличную жизнь. В действительности, Советский Союз представляет из себя государство с классовой пирамидой: на вершине находится маленькая клика, а в основании народ, который сильнее эксплуатируется и терроризируется, чем самые низшие классы в капиталистическом мире.

Примечание переводчика: Профессор, д-р философии Герман, американец. Он проживал в качестве специалиста в Советском Союзе с 1934 по 1936 год, а затем был признан "врагом государства" и изгнан из советского "рая". В 1935 году он опубликовал книгу под заглавием "Мои последние дни в Советском Союзе". Данная статья является выдержкой из его новой книги — "Советская кастовая система".

НЕ БОЛЕЕ ЛИ ГЛУБОКАЯ СТРАТЕГИЯ.

Текущие военные планы США в случае действительной войны с Советами ("Ньюс Вик" от 17 мая с.г.), основанная на широко задуманной стратегической бомбардировке советских городов и городов, которые могли бы быть оккупированными советскими армиями, очевидно мало бы помогли разрешению военной задачи и могли бы только затормозить результаты, могущие быть достигнутыми мирными средствами. Лучшим шансом избежать войны и достичь настоящего мира, если война придет, является вбивание клина между коммунистическими правительствами и народами, которые они угнетают... Настоящая "холодная война" является политической, и действительная война оставила бы ее преимущественно политической; причем военные действия мешались бы сполитическими маневрами.

Мы должны были бы явиться друзьями различных народов, угнетенных коммунистическими правительствами, и должны были бы произвести усилия, показав себя враждебными только к коммунистическим партиям и их попутчикам... Эта политическая цель делает желательным ограничение стратегической бомбежки до минимума, необходимо-го для предотвращения завоевания Советами преимуществ в воздухе. Причиной этого является то, что стратегическая бомбежка, в данном случае, является неразборчивым средством уничтожения... Ограничить советской территории и ее суровый климат могли бы также сделать почти невозможным ее военную оккупацию без активной поддержки значительной части самого русского народа. В то же время террористические методы коммунистических правительств сделали их особенно уязвимыми со стороны организованного сопротивления их народов, нашедших подходящие обстоятельства для его выявления — как это видно по массовым переходам сотен тысяч советских солдат к немцам в ранний период германского нашествия на СССР... После больше чем тридцатилетнего владычества, советское правительство так и не стало нормальным законным правительством, необходимым для управления своими верноподданными. Наоборот, это правительство до сих пор находит террор за железной завесой необходимым, чтобы оградить себя от своего же собственного народа. Каковы бы ни были трудности для достижения расположения потенциально дружественного нам русского народа — только такое усилие может обещать реальный мир. Без этого усилия физическое уничтожение, которое возникло бы в результате новой большой войны, только распространило бы дезорганизацию, которую коммунизм использует.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

И не согласен с тем, что вы говорите, но до последнего вздоха своего буду защищать ваше право это говорить.

Вольтер.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

(О вопросах нашей тактики .)

События последнего времени: изменение международной обстановки в сторону обострения взаимоотношений между Советским Союзом и демократиями, оформление Освободительного Движения и переименование Союза Молодежи в СБОНР поставили перед нами вопрос об определении нашей тактики и постановки очередных задач.

Однако, следует подчеркнуть, что не только, в данном случае, важно поставить правильно задачи, но и логично подойти к ним и убедительно их сформулировать.

Наша цель неизменна: борьба с коммунизмом, свержение советского режима и освобождение народов России.

Тактика этой борьбы должна вытекать из оценки обстановки, в которой она будет проводиться, т.е. от оценки политического положения в мире в самом широком его понимании. Только в таком случае эта тактика будет реальной и даст результаты, соответствующие затраченным силам.

Общую тактико-стратегическую линию Освободительного Движения должен определить АЮДНР, но СБОНР также имеет право участвовать в ее выявлении, как организация, которая будет проводить практическую работу в этом направлении.

Каковы же элементы международной обстановки, могущие влиять на нашу тактику?

Во-первых, коммунизм, как и раньше, не снял с повестки дня мировую революцию, т.е. борьбу за власть во всем мире.

Таким образом, коммунизм тем самым принужден вести эту борьбу против своего не-коммунистического окружения в целом.

А потому мировая политика нам представляется, как борьба коммунизма за мировую власть.

Коммунизм ведет военное наступление (Греция, Китай).

Коммунизм ведет идеологическое наступление на Запад.

Коммунизм ведет дипломатическую игру, дополняющую и прикрывающую его идеологическое наступление, создает хаос и голод, оттягивает решения ООН и конференций, ведет коммунистическую пропаганду с международных трибун.

Таким образом, коммунизм является стороной наступающей и постепенно втягивает в борьбу все новые и новые области.

Запад все еще живет старыми понятиями о "добросовестной политической конкуренции", хотя уже понял, что Советы — враг, а не союзник, и даже заговорил о "разных языках понятий и морали" (Липпман).

Запад все еще не монолитен. Запад плохо разбирается в политическо-психологической стороне проблемы. Запад не хочет войны, а потому желать и провозглашать войну сейчас было бы психологически и тактически неправильно.

Но, тем не менее, государственные люди Запада понимают, что сидеть сложа руки в то время, как с той стороны подходят все новые и новые танки — нельзя, а потому, скрепя сердце, и Запад начал свою подготовку к обороне.

Все теперешние действия как Запада, так и Востока направлены к занятию наи-более выгодных исходных позиций (военных, экономических и политических). США перевооружаются, вооружают и укрепляют остальные страны запада, создают союзы.

Реально оценивая обстановку в Советском Союзе, мы считаем, что потенциально она напоминает предреволюционную, но организационно пока что в Советском Союзе революция не существует. Мало того: советский режим делает все, чтобы она и не могла зародиться. Поэтому организационная работа на революцию, а главным образом, переход к действиям только внутренними силами, сопряжены с большими трудностями, жертвами и затратами времени.

Восток представляет собой сбитый монолит, чье единство, однако, покоится на принуждении.

Это подтвердили последние события в Югославии (как и то, что "там" не все благополучно).

Советский Союз особенно готовится к войне: советская армия не демобилизована, перестроена для условий атомной войны (независимые саамоснабжающиеся армии, все силы по строительству военно-мор-

ского флота брошены на создание подводного флота дальнего действия, лихорадочно создается атомная бомба, ракетные снаряды - военная пятилетка направлена на военные нужды.

Это не значит, однако, что война "на носу". Но в войну не только вступают, но и "выползают" (Сталин), а потому она в любой момент, в любом пункте земного шара из малой может разрастись в мировую (например, присылкой туда советских частей). И тогда и где она начнется - зависит целиком от агрессора (пример: Германия, Япония), т.е. в данном случае - от Сталина.

Принимая во внимание, что война может вспыхнуть в любой момент и, к тому же, что она, югда-то, неизбежна, мы должны заранее определить свое отношение к ней совершенно четко и ясно, а именно:

1. Что мы готовы бороться с коммунизмом не только словом, но и делом, но "на условиях не затрагивающих чести и независимости нашей Родины" (Манифест).

2. Что мы считаем, что наши члены не должны вступать ни в какие воинские формирования ни теперь (на фронтах малой войны), ни в будущем (при возникновении большой войны), пока не последует общего решения этого вопроса.

3. Что такое решение может вынести только ответственный Центр Освободительного Движения - АОДНР или, по крайней мере, Центр СВОДР'а (в случаях отрыва).

4. Что такое решение может быть вынесено только после ясной декларации запада о целях войны и о политике и тактике в отношении народов России или в результате заранее проведенных переговоров.

Однако, мы считаем, что всякая война в будущем будет в первую очередь идеологической войной, поэтому ее исход будет зависеть не столько от материальной силы Запада (вооружение) и слабости Советского Союза, сколько от идеологической подготовки одного и другого.

А так как главной силой Запада сейчас являются США, то эта подготовка должна быть направлена, главным образом, туда.

Война опасна, так как она потребует много жертв и принесет разрушения. Но они могут быть сведены на минимум, если в пределах Советского Союза будут подготовлены революционные силы, которые при возникновении войны взрывом изнутри прекратят войну в возможно кратчайший срок.

Таким образом, мы приходим к выводу, что так или иначе, но революционная работа не снимается с повестки дня никаким ходом событий. Она должна быть развита до предела и в идеале стремиться к революции еще до войны. Тем более, так будет, ^{поставлен} вопрос, если Запад, неправильно поняв события в Югославии, вообразит, что есть два сорта коммунизма: "московский" и "европейский" и что московский - загнав в границы СССР, можно нейтрализовать.

Тогда вопрос о революции, как о единственном выходе, встанет перед нами во весь свой рост.

А пока же мы должны не забывать и о другой возможности, а потому: г о т о в я с ь к в о й н е, р а б о т а т ь н а р е в о л ю ц и ю!

Юрий Ключарев.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Все материалы, пожертвования, сведения о разыскиваемых просим передавать только по цепочке, по которой доходит "Борьба". Не смешивать нашу "цепочку" с другими "сетками".

Успех народной революции почти целиком зависит от наличия вонзого революционного кадра, проникнутого народной творческой идеей и обладающего революционной волей.

Революция может восторжествовать, если во главе ее окажется кадр волевых людей, способных мобилизовать революционные массы на сокрушение старого режима и на немедленное создание нового строя, отражающего дух народной революционной идеи.

Революция может зачихнуть, если ее возглавят люди конъюнктурные, беспринципные, только лишь внешне прикрывающиеся народной идеей, не обладающие волей: революционному творчеству, часто такой чакоточной революцией воспользуются силы, чуждые народу, силы, по сути дела, контрреволюционные.

Весьма поучительна для нас история нашей февральской революции 1917 года. Старый режим почти без сопротивления сдал свои позиции. Но организованное в первые дни революции временное революционное правительство оказалось оторванным от народно-революционной идеи. Красные банты первых министров не могли заполнить брешь, образовавшуюся между революционной властью, не имевшей корней в народе, и революционными массами. Временное правительство не приступило к немедленному проведению в жизнь основных реформ и законодательства, отменяющих чуждую революционным массам. В результате, оно не сумело удержать за собой эти революционные массы. Моментом воспользовались большевики. Они уморосили лозунги, отвечающие настроению революционного народа и, тем самым, привлекли его на свою сторону. Но мудро, что после этого ни одно распоряжение Временного правительства не проводилось в жизнь без соответствующей санкции революционной власти на местах - Советов, где уже беспрепятственно хозяйничали большевики, и Временное правительство, оказавшись без опоры, вынуждено было заигрывать с антинародными силами. После этого захват власти большевиками уже не представлял никакой трудности. Власть перешла к ним сама еще задолго до вступления Зимнего. Захватив власть, большевики немедленно же приступили к созданию своего антинародного режима. Используя революционную диктатуру, они стали навязывать народу свою волю, стар, банальность, силой контрреволюционной. Первым шагом российской контрреволюции, в лице большевиков, был разгон Учредительного Собрания - народного представительства. Итак, политическое безволие революционного правительства, его непонимание революционной идеи и самой революции, расчистило дорогу контрреволюции.

Творческая идея народной революции развивалась в суровой борьбе народов России с большевизмом.

Из крови, пролитой в боях,
Из праха, обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ преступивших и крови,
Из ненависти и любви,
Из преступлений, преступлений...

кристаллизовалась творческая идея будущей России, и впервые она нашла свое графическое оформление в Пражском Манифесте от 14 ноября 1944 года.

Сейчас нет ни одной антикоммунистической группировки, нет ни одного политического течения в российском зарубежье, которые не имели бы в своих программах основы народно-творческой идеи, заимствованной в Манифесте. Это и политическое сейчас новый программный под"ом и, независимо от партийных целей, и правое и левое вынуждены прибегать к народной идее, в противном случае они не будут иметь успеха.

Сейчас идет борьба за право вести знамена русского Освободительного Движения, признанного народами России, что можно теперь считать выносом знамени - по сути дела, завоевание революционных масс.

Успех борьбы народов России будет целиком зависеть от того, что возглавит освободительное движение и из кого будет сформирован ведущий революционный слой — будут ли это люди, исповедующие творческую идею ОДНР и способные воплотить ее в жизнь, или это будут люди случайные, пренебрегающие народными интересами, прикрывающие народную идею своей конъюнктурностью, свое честолюбие, свой эгоизм.

Волею судьбы наша эмиграция, повидимому, в недалеком будущем займет ведущее положение в освободительной борьбе народов России за свое будущее. Волею истории именно ей суждено выделить из своих рядов ведущий слой будущей освободительной революции.

Успешно бороться за новую жизнь могут только те борцы, которые уже носят в себе зародки новой и остаются последовательными до конца ее принципов.

И вот, если присмотреться к политическим людям нашего зарубежья, если прислушаться ко всей политической возне с ее избитыми трафаретами, трескучими фразами и с возведенной в принцип безпринципностью, то становится тревожно за будущее освободительной борьбы.

Не чувствуется юности в делах эмиграции, не чувствуется творческого начала; а в деятельности лидеров политической возни все больше и больше обнажается отрыв от сути народно-освободительной идеи.

Начать с того, что много в эмиграции говорится о свободе, а когда дело доходит до воплощения в жизнь принципов свободы, даже в своей среде, то показная крикливая революционность подменяется принципами готтентотской морали.

"Свобода убеждений" — записано почти во всех программах антибольшевистских организаций, и почти каждый антибольшевик готов вцепиться в горло другому, не соглашающемуся с его идеологией или его взглядами.

Не так давно один из членов нашей организации посетил русский лагерь, находящийся в английской зоне. Командант лагеря, оказавшийся видным членом одной из антибольшевистских организаций (хотят эта организация имеет некоего отщепенца от программы) учинил этому члену настоящий полицейский допрос. На вопрос, в чем дело, командант заявил: "В английской зоне все лагеря Дини — это результат работы нашей организации, и мы не позволим кому бы то ни было влезти в эти лагеря политическую работу без нашего на то согласия". На прощанье этот командант, считавший лагерь Дини вотчиной своей организации, сказал: "Хорошо, что вы — эмигранты; но если бы сюда приехал какой-нибудь монархист — насиделся бы он в бункере, а потом был бы выпроважен из зоны по этапу"...

Нетерпимость к инакомыслию доходит у нас до абсурда. Нетерпимость стала даже своего рода шикой. На днях меня попросил совершенно незнакомый человек схватить к его шурину и попросить адрес его... пропавшей жены. Заметив мои недоуменно приподнятые брови, незнакомец об"яснился: — "Я не хочу встречаться с шурином, ибо мы с ним расходимся в политических взглядах."

Случай этот, может быть, единственный в своем роде; но вполне их, таких единственных в своем роде, случается встречаться у нас на каждом шагу.

Я вспоминаю фразу, как-то раз брошенную молодым человеком, прочитавшем довольно заумную статью в плохеньком журнальчике.

— Беремся за разрешение мировых проблем, а с соседом не справимся, ужиться не можем...

На него заикались "Общитель", "Пессимист", а кто то многозначительно уже прищурил глаз: "Не хотят ли этот блондин в советскую миссию?"

И так всюду. Стоит лишь высказать мнение, расходящееся с настроением большинства и уже замечаешь, что за тобой установлена слежка; стоит лишь высказать мотив советской песенки, как на тебя напишут донос в соответствующее учреждение.

Я знаю одного преподавателя, которого жители лагеря сторонятся, как зачумленного, и это только потому, что какой-то профессор, желая его скомпрометировать, прислал на его адрес по почте газету "Правда".

Стоит только просмотреть издающуюся у нас прессу. Почти все газеты заполнены обвинениями. Поэт обвиняется в протаскивании политической безнадежности, если он осмелился написать стихотворение от души. Критики обвиняются в разложении эмиграции, если они высказывают свое мнение о каком-либо политическом течениях. Публицисты обвиняются в компрометации антибольшевистских сил, если они очеркивают зарвавшихся политиканов. Корреспонденты обвиняются в ослеплении политической эмиграции, если они затрагивают темы нашего неприглядного быта.

Не привыкла наша эмиграция к свободным высказываниям. В свободном мнении всегда она находит косвенную помощь большевизму, и эта манера судить о всех явлениях только по их отношению к большевизму, настолько вошла в плоть и кровь, что находится отдельные "революционные" прокуроры, которые под самую обычную карманную кражу подводят политическую статью.

Критерием бытия в эмиграции навсегда утвердился большевизм; все, что от него вращается — хорошо, а что от него — преступно. Чорт знает, что такое! Мужество, что-ли, не хватает у людей, чтобы мордобитие называть хулиганством, продажу коридора — спекуляцией, донос на своего политического противника — подлостью. Неужели никому никогда не придет в голову, что определение ценности явлений по их отношению к большевизму, является отнюдь не революционностью, а просто-напросто политическим невежеством.

Разговорами о политике заполнены все наши будни, начиная со встреч у общего умывальника и кончая переговорами через фанерную стенку, когда уже вслепу потухнет свет. Привычкой стала и политическая работа, даже всего — грубо топорная, безграмотная и бессодержательная.

Передо мною брошюра "Кто он?". На аккуратной обложке — знакомый усатый профиль, а на восьми страницах — пятьдесят два "ОН", напечатанных большими буквами, и столько же трескучих, давно всем известных и надоевших фраз.

Вот другой образец — большое письмо, подписанное 46/44 политическими эмигрантами Австрии, предназначенное тому же усатому делу:

"Единственно, что мы требуем от Вас, — лишить политическую эмигранты, — так это то, чтобы Вы убрели Ваши руки от горла политическая эмиграции. ... потому, что для Вас нет смысла увеличивать позор, падающий на наши народы..."

Правда, это требование не единственное... Кое-кто требовал отставки Сталина.

Пишем такую брехню, а учиться не желаем. О положении не речино судим по американским газетам, а советскую прессу изучать — считаем ниже своего эмигрантского — политического достоинства.

Сокрушать большевизм собираемся, выдаем свои желания за волю народов, а всю свою политическую деятельность строим на "откровениях" западно-демократических лидеров, которые, кстати сказать, Сталина считают "душкой Джо", а о советской политике судят по тому, в каком платке появляется Молотов на дипломатических обедах.

Казалось бы, что каждый человек, привыкший из Советского Союза, должен служить для нас объектом наблюдения и изучения, а у нас по отношению к нему не только обычного такта, не хватает, даже такта политического нет! Забрасываем советских представителей камнями, но задумываясь над тем, какое сердце бьется под формой советского офицера и не отдаем себе отчета в том, что завтра мы будем приходить к этому офицеру встать под наши знамена.

Я вспоминаю советский кино-фильм "На границе", в котором эмиграция показана в неприглядном виде и, надо сказать, что своими поведением, своей погромнической моралью и своими сомнительными связями с чиньвиниками разведок, мы даем право советской пропаганде выставить нас перед народами России в карикатурно-отрагательном свете. Политическая работа стала у нас модой. Как мода, она принаравливается к политической моде, изменяя под собой и окраску, но все вре-

элемент, характеризующий моду. Та же элементом сегодня стала "демократия". Это "демократия" насильно и всеми: и хулиганом с чубом, инбирящимся из под модной шляпы, и небритыми политическими папанами, создающими очередной демократический центр.

В одном конце слышны: "Вы, мадам, не ерзаетесь. Это вам не институт благородных девиц!.. теперь демократия!" В другом конце: "Вот увидите, наша возьмет. У вас - погромщики и нацисты, а мы - демократы. За нами Лондон и Америка"...

Невольно начинаю я в разговор:

- Демократы, говорите? Ну, хорошо, а каково ваше мнение насчет свободы убеждений?

- С монархистами и власовцами нам не по пути.

- Но ведь это же как раз нарушение принципа демократии...

Собеседник мнется и, наконец, бросает:

- Хорошо! Мы еще встретимся на страницах печати.

И так всюду. Чуть-что - "мы - демократы"; если оппонент не сдается - зашугиваем его трафаретом: "каллиоборант" или "квислинговец", если и это не помогает - "большевицкий провокатор". И не хватает у нас мужества признать свою беспочвенность, свою политическую ограниченность.

К чему грех таить за пазухой. Все мы, в той или иной мере, принашиваемся к англо-американской демократии, забывая, в силу политической воли, что не все демократические блюда придутся по вкусу нашим народам.

За мою статью читатель, наверное, уже готов упрекнуть меня в мелочности (правда, найдутся и такие, которые скажут, что ее писал советский провокатор), но я умышленно заостряю внимание на мелочах. Именно в мелочах-то и вскрывается наша политическая беспочвенность и беспринципность.

Начинается все спуском с высоты вкуса браться только за дела, имеющие, по крайней мере, общероссийское значение, (а простой листовки написать не можем), а кончается аморальностью: "клины клином вышибают". Начинается с дурной привычки слепого подражания моде, а кончается игрой в политических деятелей общемирового значения.

Ведь в нашей жизни сплошь да к ряду встречаются люди, которые называя себя идейными антибольшевиками, козунствуют над кровью героев освободительной борьбы и создают организации, объединения, центры, подчиняя их своему тщеславию.

Казалось бы, что любая организация должна являться средством для достижения основной цели - установления в России нового строя, а у нас, чаще всего, организация рассматривается, как самоцель, или, еще хуже, - как эниное количество голов, от имени которых можно выступать на общемировой арене.

Называем мы себя революционерами, а в душе остаемся рабами: рабами политической погоды, рабами собственного честолюбия, рабами своей трусости, рабами своей ненависти и злобы, рабами своего невежества. И этот рабский дух, облеченный в форму политической борьбы, пронизывает всю нашу жизнь, у одних выливаясь в хамские рэплики по адресу своих политических оппонентов, у других - в готовность признать в России новых варягов.

- И вот страшно становится при мысли, что нам, может быть, скоро придется играть не последнюю роль в судьбах своей родины. Что даст России наше участие в борьбе? Действительное ли установление нового строя, выражающего волю народов России, или лишь только меланж на короткий миг, в будущих событиях, внеся большую смуту и расчистив дорогу новой контрреволюции?

Почему мы оказались такими?

Легче всего это можно бы объяснить географической отдаленностью нашей эмиграции от родной земли и воздействием запада на нашу психологию. Эти факторы, несомненно, играют большую роль. Но корень всего этого таится в душе эмиграции, в отношении которой осе-

роль играют стальные личности и ведущий слой.

В продолжении многих десятилетий цвет нашего народа погибал в борьбе за свободу. Все бескомпромиссное, все принципиально жертвенное шло по Владимирской дороге в Сибирь, задыхались в казематах Шлиссельбурга и Петропавловке, гибли на эшафотах, заснули навсегда в степях Украины, на Волжском прибрежном песке, зачахли на Калининских рудниках и в подвалах Лубянки.

В процессе борьбы выросли новые революционеры - аристократы духа и снова гибли они, идя в первых шеренгах борцов "за землю, за волю, за лучшую долю". Так случилось и в последние годы...

После почти поголовной гибели лучших борцов за свободу родины Освободительное Движение еще не успело выделить из своей среды подлинно революционных кадров, принципиально жертвенных и бескомпромиссных. Новые кадры еще недостаточно опытные и недостаточно осознали суть подлинной народной идеи.

Поэтому перед Движением в целом и перед отдельными, сохранившимися в живых, идейно-принципиальными участниками и последователями Власовского Движения, самой основной тактической задачей в настоящий момент является отбор и кристаллизация революционных кадров, замена неустойчивого, беспринципного ведущего слоя новым, способным в жестких схватках отстоять чистоту идеи и довести начатое дело народно-освободительной революции до конца.

Петерс.

ПЕРЕПИСКА С ДРУЗЬЯМИ.

Господину Селенс.

Вы запрашиваете редакцию журнала "Борьба" об отношении организации СБОНР к Союзу Андреевского флага. Сообщаем Вам резолюцию руководства СБОНР от 5 июля 1948 г. по этому вопросу.

Резолюция

Руководящего Совета СБОНР от 5-го июля 1948 года.

Слушали: Об отношении к САФ (Союз Андреевского флага).

Постановили: Считать в принципе нужным и полезным создание военно-массовой организации, объединяющей бывших офицеров и бойцов, активно боровшихся против большевизма, и долженствующей, при возникновении благоприятной к этому обстановки, стать ядром будущих формируемых РОА.

Констатировать, что подобная военно-массовая организация Освободительного Движения, как САФ и массово политическая организация, как СБОНР - при правильном, сверху донизу проводимом, руководстве, могут гармонически дополнять друг друга в общей антибольшевистской деятельности.

Руководящий Совет СБОНР считает, что вступление члена СБОНР в САФ является делом личной ответственности каждого, принципиально допуская одновременное членство в обеих организациях, при условии соблюдения обязательств, принятых на себя присягой при вступлении в СБОНР.

Дальнейшие взаимоотношения между СБОНР и САФ будут зависеть от соответствия идеям и духу Освободительного Движения идеологической, стратегической и тактической линии обеих организаций, а также от того насколько будет правильно на практике стремление обеих организаций к сотрудничеству и взаимному уважению.

Вы спрашиваете, чем можно объяснить наличие в демократической прессе статей, отождествляющих русский народ с большевизмом; что это: роковое непонимание или умышленное искажение истины?

Мы склонны считать, что это непонимание. Однако, небезинтересны выступления отдельных лидеров западно-демократического мира, раскрывающие тайные пружины демократической пропаганды. Приводим выдержку из выступления Черчилля в Бульбоне, напечатанного в "Дейли Мейль".

"Если Маршал не намеревается лишить помощи диктаторов, подобных Сталину и Тито, то почему же Бевин и Бидо возражают против помощи Франко? Они мотивируют это тем, что Франко является диктатором, что он хотел победы Германии. Но ведь то же самое делал и Сталин. Это отношение является следом той пропаганды, которой пользовались в военное время и которая вообще еще не забыта. Тогда с целью создания общего идеологического фронта с Советами была пущена эта глупая ложь о том, что война велась против фашизма. Многие из наивных людей еще продолжают верить этой лжи и полагают, что до тех пор пока следы фашизма не будут окончательно ликвидированы, жертвы, принесенные во время войны, будут напрасными. В действительности это не так, ибо мы дрались против немцев, чтобы они не завладели всем миром.

Фашизм существовал в Италии четверть века и никто не думал объявлять войну Италии и прежде всего СССР, подписавший договор с фашистами. Нацизм развивался в Германии много лет, но никто не собирался вступать в борьбу с ним и менее всех СССР, который предпочел в союзе с Гитлером начать войну против Польши. Теперь настало время выяснить эту ложь".

==000==

"Борьба" с благодарностью печатает имена читателей, приславших пожертвования на расширение тиража журнала:

Г-н Хрулев	10	р.
Читатели Куглер -Альм.....	270	"
Господа Слисская, Зворыкин, Шилеион.....	100	"
Г-н Попандопулос.....	50	"
Г-н Крылов А.....	50	"
Г-н Л.С.....	20	"
Г-н Г.М.....	100	"
Группа педагогов.....	35	"
Читатели Меммингена.....	190	"
№ 875.....	50	"
№ 3.....	20	"
№ 29.....	15	"
Читатели Кемпена.....	95	"
Нюрнберга.....	850	"
Г-н Рыбинский.....	20	"
Г-н М.Ж. 33.....	100	"
Г-н М.Б. 22.....	100	"
Г-н М.К. 115.....	50	"
Г-н М.А. 234.....	15	"
Г-н М.Н. 235.....	15	"
Г-н М.Ф. 236.....	5	"
Г-н М.П. 5.....	100	"
Г-н М.С. 29.....	10	"
Господа Иванов В, В.Т., № 68 и др. читатели.....	420	"
Читатели Меммингена.....	177	"
Индия.....	15	"
Объект "МП".....	31	амер. шилл.
№ 55.....	10	"
Г-н Н.....	15	"
Г-н Ю.....	45	"
Г-н П.Н. (Кахана).....	1	кан. доллар
Г-н С. (Англия).....	10	англ. шилл.